

УХАНЬСКИЙ ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Естественно, что на вокзале в Ухани меня никто не встретил. На привокзальной площади я нашел такси и произнес заветное слово «диджисиюань». Терпеливо выслушав в ответ длинный монолог шофера, я достал словарь и показал ему иероглифы на обложке. Водитель сразу все понял и включил счетчик. По пути я на всякий случай, стараясь запомнить дорогу от вокзала.

Машина подъехала к воротам на территории геологического университета, и таксист собрался меня высадить. Но я рукой показал ему, чтобы он ехал дальше. И не напрасно. Если бы я вылез у ворот, то еще с километр тащился бы по жаре с двумя чемоданами. Шофер через открытое окно стал расспрашивать проходящих мимо студентов, и они показали ему нужное направление. Он подвез меня к самому подъезду трехэтажного здания гестхауса – гостиницы для иностранцев, и даже помог мне занести в холл чемоданы.

Но когда я протянул ему деньги он, прочему-то, смутился их не взял и долго пытался что-то объяснить. Было совершенно непонятно, чего он хочет. Я совал ему деньги, а он упорно отказывался, но и не уезжал. Ситуация зашла в тупик. Шофер и молоденькая девчонка – дежурная гостиницы пытались мне что-то объяснить на китайском, и понятным было лишь слово «юань».

Тут в холл вышел достаточно крупный по китайским меркам мужчина восточного типа в домашних тапочках. Мне показалось, что это китаец, которого пригласили для переговоров.

– Ты кто, Беляев? – вдруг спросил он на русском языке без всякого акцента.

– Да, – опешил я, – объясните, что они от меня хотят.

Мужчина стал объясняться с водителем на китайском языке, достал из кармана деньги и расплатился.

– Кусаинов Сеит Ахмерович, доцент казахского государственного университета имени Сатпаева, – представился он, пожимая мне руку, – уже месяц здесь на стажировке. А я знал о твоём приезде и давно тебя ожидаю.

– Почему шофер не брал у меня деньги, а у тебя взял?

– Потому что наша зарплата в долларах обменивается на специальные «золотые» конвертируемые юани. Это что-то вроде бонов, которые получают моряки в обмен при сдаче валюты, и на них могут покупать дефицитные товары в специальных валютных магазинах.

– И почему шофер не брал у меня столь ценные юани?

– Здесь в Ухани «золотые» юани появляются редко, а многие никогда их не видели, и он требовал у тебя «настоящие деньги», то есть, как у нас говорят, «деревянные». В Китае запрещено свободное хождение валюты, но люди ее зарабатывают, и государство дает им в обмен внутренний аналог конвертируемой валюты – «золотые» юани, понял?

– Зачем же нам выдали такие деньги, которые здесь никто не берет? – по-честному, я и не слышал о бонах.

– Не волнуйся. Тут живут в основном преподаватели американцы, и китайское правительство выдает им зарплату деревянными юанями. А в городе есть специализированный магазин «Дружба», в котором товары продаются только на валюту или золотые юани. Всех преподавателей иностранцев возят туда на автобусе каждый четверг. И американцы, чтобы купить себе виски или кофе, обменивают свои деревянные юани на мои золотые. И тебя будут просить. А сейчас идем наверх, я покажу твои апартаменты.

У Кусаинова Сеита Ахмеровича была удивительная судьба. Тридцать лет тому назад перед нашей стажировкой

он закончил географический факультет Пекинского университета, прекрасно знал китайский язык и даже диплом защищал на китайском. Во время тридцатилетнего разрыва дружеских связей между нашими странами он занимался лишь переводами китайских научных статей для известного казахского геолога Сатпаева, именем которого впоследствии и назвали Казахский государственный университет. И вот через тридцать лет он снова попал в Китай. Вечерами Сеит писал книгу «Мои воспоминания о Китае», которую и опубликовал спустя четыре года в Алма-Ате.

– Сейчас мы пойдем на обед в дайнинг рум – столовую, которая помещается рядом с гостиницей в одноэтажном павильоне, – объявил Кусаинов, после того как я устроился в номере. – Обед надо заказывать накануне вечером, но я поговорю с поварами, и они тебя чем-нибудь накормят.

– Как здесь работает столовая?

– Завтрак в восемь утра, обед в двенадцать и ужин в шесть часов вечера. Хорошо, что ты знаешь английский язык, а то мне трудно с американцами разговаривать. Хотел здесь выучить английский, так учебников нет, а я из дома не сообразил захватить.

В столовой за длинным столом уже сидели несколько человек американцев. Я со всеми познакомился и, конечно, тут же забыл все имена, кроме одного, которого звали Джек, как собаку моего соседа по даче.

Американцы поглядывали на меня с большим интересом и задали несколько стандартных вопросов типа кто я, откуда, чем занимаюсь. Я понял их без проблем и порадовался за курсы английского языка, на которых учили понимать речь и отвечать готовыми фразами.

Но дальше американцы сразу пошли в атаку и решили сразить меня высокими демократическими нормами в их свободной стране.

– At you with democracy? (У вас демократия?) – с пафосом спросил меня американец.

– Yes, certainly. (Да, конечно), – ответил я.

Американец усмехнулся с таким видом, мол «знаем какая у вас демократия».

– I can publicly declare that our president the fool, and you? (Я могу публично заявить, что наш президент глупец, а вы?) – с усмешкой произнес американец, уверенный, что этой фразой он загнал меня в политический тупик.

– I too can publicly declare that your president the fool. (Я тоже могу публично заявить, что Ваш президент глупец), – с гордостью ответил я.

Американцы замолчали и, через несколько секунд, поняв сущность моего ответа, дружно рассмеялись. Стало приятно, что они не лишены чувства юмора.

После обеда Сеит повел меня на территорию университета и с гордостью, как свою вотчину, показал современные учебные здания, библиотеку, стадион. Он рассказал, что университет в Ухане один из центральных геологических вузов Китая создан 1952 году. Прежде он располагался в Пекине, но после «культурной революции» с целью «приближения» науки и образования к реальной жизни переведен в Ухань. Новый университет построили за десять лет на окраине Ухани. На месте небольших сельских домиков вырос современный студенческий городок с многоэтажными учебными корпусами, общежитиями, большим и красивым зданием библиотеки, жилыми домами, вычислительным центром, просторным спортивным залом, стадионом, летним кинотеатром и плавательным бассейном.

Весь профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники и вспомогательный технический персонал, постоянно проживали на его территории со своими семьями. Преподаватели в блочных пятиэтажках – копиях наших

хрущевских, но китайцы их очень оригинально модернизировали. Вход в квартиры первого этажа сделали не с общей лестницы, а с обратной стороны здания. И жильцы отгородили высокими кирпичными стенами около сотки земли перед входом в квартиру, так что у них появился уютный дворик.

На другой день ко мне в гостиницу пришли двое – пожилой мужчина и женщина небольшого роста.

– Нинь хао! – поздоровалась она и протянула мне крошечную ладошку.

– Здравствуйте, – по-русски поздоровался мужчина и представился: – Ся Вэйхуа.

Дальше женщина взяла инициативу в свои руки и произнесла:

– Хао, хао, хао, хао, хао.

Во всяком случае, примерно такие звуки дошли до моего слуха. Непонятно было это еще китайский или уже английский язык.

– Excuse, repeat please (Извините, повторите, пожалуйста), – попросил я.

Женщина произнесла тоже самое. Снова просить повторить было уже неприлично. Ситуация зашла в тупик.

И тут мужчина не выдержал и на приличном русском языке сказал:

– Я декан факультета полезных ископаемых Ся Вэйхуа назначен вашим научным руководителем. А это, – декан назвал имя женщины, которое я тут же забыл навсегда, – доцент нашего факультета. Она недавно была в Америке, и я пригласил ее как переводчицу с английского.

«Так, значит, это был английский язык», – подумал я, и тоже представился.

Оказалось, что Ся Вэйхуа никогда не был в Советском Союзе и выучил русский, когда был переводчиком у из-

вестного советского геолога, работавшего в Китае тридцать лет назад.

– Я давно не говорил на русском языке и боялся, что совсем его забыл, поэтому и пригласил переводчика, – признался декан.

– Ну, если «знали и забыли», это не страшно и можно все вспомнить. А вот если «не знал, да еще и забыл», как я английский, это совсем плохо.

Декан понял мою шутку и засмеялся, дальше мы общались на русском, и женщина скромно молчала. Ся Вэйхуа интеллигентного и обаятельного человека я стал называть Лао Ся. В китайском языке приставка «Лао» к имени пожилого человека имеет значение – почтенный, уважаемый.

На другой день в сопровождении русскоговорящего китайца из иностранного одеда университета, меня повезли на черной Волге куда-то в город на регистрацию. После защиты кандидатской диссертации этот китаец целый год стажировался в Москве и очень тепло отзывался о нашей столице:

«Москва хороший город – тихий, спокойный, людей мало!»

В центре Т-образного перекрестка на тумбочке, заложив руки за спину, стоял милиционер, но движение регулировал светофор. Водитель Волги притормозил и потом быстро проехал на красный свет сзади регулировщика.

– Что, в Китае можно ездить на красный свет? – спросил я моего сопровождающего.

– Нет, категорически запрещено!

– Мы сейчас проехали перекресток на красный свет, там еще регулировщик на тумбочке стоял.

– Так ведь он же спиной стоял, – удивился моей непонятливости китаец.

И действительно, как я сразу не сообразил. Оказывается, у китайцев много общего с одесситами. Мне рассказывали, как один турист из окна трамвая рассматривал достопримечательности Одессы.

«Мне сказали, что у вас очень красивое здание оперного театра, – обратился он к мужчине, стоящему рядом с ним, – не подскажите, когда мне следует выйти?»

«Прямо сейчас», – ответил одессит.

Турист вышел, но никакого здания не увидел.

«Скажите, пожалуйста, где тут здание оперного театра?» – обратился он к женщине.

«Вам надо проехать три остановки», – ответила одесситка.

«Но мужчина в трамвае сказал, что сходить надо здесь».

«Так вы, наверное, сидели, а он стоял», – усмехнулась женщина.